

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Том 30, №2

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Vol. 30, №2

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2025

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2025 Том 30, №2

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

Дашковский П.К. Вторичные захоронения в погребальной обрядности пазырыкской культуры Алтая: результаты исследования и интерпретация	7
Суслова С.В., Донина Л.Н. Ювелирные украшения волго-уральских татар в контексте этнокультурных традиций Евразии: итоги этнолого-технологического исследования	40
Подушкин А.Н., Стамкулова Г.А. Погребальные сооружения и археологические комплексы могильника Кызылкол 1 (по материалам раскопок 2022 г.)	59
Добжанский В.Н., Ермолов А.Н., Горлыкин Н.Е. К проблемам раннего этапа освоения русским населением бассейна реки Иня в Кузнецкой котловине в конце XVII — начале XVIII в.	74

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Альбедиль М.Ф. Непал: этноконфессиональная мозаика.....	97
Досмурзинов Р.К. Обычай давра в похоронной обрядности казахского народа.....	115
Дробышев Ю.И. Представления о целях вторжения Чингис-хана в страны ислама в мусульманской историографии до 1260 г.	126
Файзулина Г.Ч., Кадирова Э.Х. Махр как условие заключения никаха у тюрко-татарского населения Тобольской губернии в XIX — начале XX в. (по материалам метрических записей)	142
Ли Хуэй. Мицелогическое существо Лун в китайской коллективной культурной памяти.....	156
Сень Д.В. Первый Северо-Кавказский съезд горских евреев в Нальчике (1926 г.)	166

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Хаймурзина М.А. Особенности распространения конфуцианских храмов в период чжурчжэньского государства Цзинь	183
Монгуш А.В. Атеистическая пропаганда в Туве как элемент государственно-конфессиональной политики СССР в 1954–1964 гг.....	198
Шмакова А.С., Шутова М.А., Кравцова А.Д. Трансформация статуса буддизма на Корейском полуострове в период Корё (918–1392) и первой половине Чосон (1392–1600).....	220

ДЛЯ АВТОРОВ.....	238
------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2025 Vol. 30, № 2

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Dashkovskiy P.K. Secondary burials in the funeral rituals of Pazyryk culture of Altai: research results and interpretation</i>	7
<i>Suslova S.V., Donina L.N. Jewelry of the Volga-Ural Tatars in the context of the ethno-cultural traditions of Eurasia: the results of the ethnological and technological research</i>	40
<i>Podushkin A.N., Stamkulova G.A. Funeral structures and archaeological complexes of the Kyzylkol 1 burial ground (based on materials from excavations in 2022)</i>	59
<i>Dobzhanskii V.N., Ermolaev A.N., Gorlyshkin N.E. On the Issue of the Early Stage of Russian Colonization of the Inya river basin in the Kuznetsk basin at the Late 17th and Early 18th Centuries.....</i>	74

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Albedil M.F.</i> Nepal: an ethno-religious mosaic	97
<i>Dosmurzinov R.K.</i> The Kazakh folk custom of davra	115
<i>Drobyshev Yu.I.</i> Ideas about the goals of Chingis Khan's invasion to the countries of Islam in Muslim historiography before 1260.....	126
<i>Faizullina G.C., Kadirova E.H.</i> Mahar as a condition for concluding a nikah among the Turkic-Tatar population of the Tobolsk province in the 19 th — early 20 th centuries (based on metric records).....	142
<i>Li Hui</i> The mythological creature Lun in chinese collective cultural memory.....	156
<i>Sen' D.V.</i> I North Caucasian Congress of Mountain Jews in Nalchik (1926).....	166

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSITIONAL RELATIONS

<i>Khaymurzina M.A.</i> Specifics of Confucian temples' spread during the Jurchen state of Jin	183
<i>Mongush A.V.</i> Ftheistic propaganda in Tuva as an element of the state-confessional policy of the ussr in 1954–1964	198
<i>Shmakova A.S., Shutova M.A., Kravtsova A.D.</i> Transformation of the status of Buddhism on the Korean peninsula during the periods of Goryeo (918–1392) and the first half of Joseon (1392–1600)	220

FOR AUTHORS.

УДК 739.2

DOI 10.14258/nreur(2025)2-02

С. В. Суслова, Л. Н. Донина

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань (Россия)

ЮВЕЛИРНЫЕ УКРАШЕНИЯ ВОЛГО-УРАЛЬСКИХ ТАТАР В КОНТЕКСТЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ ЕВРАЗИИ: ИТОГИ ЭТНОЛОГО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье публикуются результаты многолетнего исследования, предпринятого в отделе этнологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Источниками служили типологические, картографические и иллюстративные материалы Историко-этнографического атласа татарского народа; музейные артефакты по ювелирному искусству татар и народов Евразии, собранные при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 13-06-97056).

Изучение ювелирных украшений волго-уральских татар в историко-этнологическом и технологическом аспектах выявило тесные этнокультурные взаимосвязи с тюрко-исламскими, финно-угорскими народами и русским населением Евразии. Взаимосвязи прослежены на материалах Средневековья (Бугарская цивилизация, эпоха Золотой орды, Казанское ханство), периода Российской империи и позднее, когда народы России (Поволжья, Сибири), Центральной Азии и Казахстана с их особыми традициями художественной обработки металла развивались в пределах общего культурного пространства.

Особым ракурсом явилось изучение казанско-татарского ювелирного дела XVIII–XIX вв. в контексте пробирного законодательства Российской империи.

Ключевые слова: татары, комплексы украшений, ювелирные техники, орнамент, булгаро-золотоордынские, тюрко-исламские традиции, финно-угорские, русские взаимосвязи

Цитирование статьи:

Суслова С. В., Донина Л. Н. Ювелирные украшения волго-уральских татар в контексте этнокультурных традиций Евразии: итоги этнолого-технологического исследования // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 2. С. 40–58. DOI 10.14258/nreur(2025)2-02.

Суслова Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Россия, Казань). **Адрес для контактов:** sv_suslova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5950-8576>

Донина Лариса Николаевна, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник отдела этнологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Россия, Казань). **Адрес для контактов:** lis.art@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7559-0565>.

S. V. Suslova, L. N. Donina

Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan (Russia)

JEWELRY OF THE VOLGA-URAL TATARS IN THE CONTEXT OF THE ETHNOCULTURAL TRADITIONS OF EURASIA: THE RESULTS OF THE ETHNOLOGICAL AND TECHNOLOGICAL RESEARCH

The article publishes the results of a long-term study undertaken in the Department of Ethnological Research of the Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. The sources were typological, cartographic and illustrative materials of the Historical and Ethnographic Atlas of the Tatar People; museum artifacts on the jewelry art of the Tatars and the peoples of Eurasia, collected with the support of the Russian Foundation for Basic Research (project No. 13-06-97056).

The study of jewelry of the Volga-Ural Tatars in historical, ethnological and technological aspects revealed close ethnocultural relationships with the Turkic-Islamic, Finno-Ugric peoples and the Russian population of Eurasia. The connections are traced using materials from the Middle Ages (Bugar civilization, the era of the Golden Horde, the Kazan Khanate), the period of the Russian Empire and later, when the peoples of Russia (the Volga region, Siberia), Central Asia and Kazakhstan with their special traditions of artistic metalworking developed within a common cultural space.

A special perspective of the study was the study of Kazan-Tatar jewelry of the XVIII–XIX centuries in the context of the assay legislation of the Russian Empire.

Keywords: Tatars, jewelry complexes, techniques, ornament, Bulgaro-Golden Horde, Turkic-Islamic traditions, Finno-Ugric, Russian interrelations

For citation:

Suslova S. V., Donina L. N. Jewelry of the Volga-Ural Tatars in the context of the ethno-cultural traditions of Eurasia: the results of the ethnological and technological research. *Nations and religions of Eurasia*. 2025. Т. 30. № 2. P. 40–58 (in Russian). DOI 10.14258/nreur(2025)2-02

Suslova Svetlana Vladimirovna, candidate of historical Sciences, Advanced Research Fellow, Department of Ethnological Research, Sh. Mardzhani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Russia, Kazan). **Contact address:** sv_suslova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5950-8576>

Donina Larisa Nikolaevna, candidate of Art History Sciences, Senior Research Fellow, Department of Ethnological Research, Sh. Mardzhani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Russia, Kazan). **Contact address:** lis.art@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7559-0565>.

Введение

Целью статьи является публикация результатов многолетнего исследования «Ювелирные украшения волго-уральских татар: историко-этнологическое и технологическое исследование», осуществленного в отделе этнологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Оно проведено на базе обширного свода источников. Это типологические, картографические и иллюстративные материалы Историко-этнографического атласа татарского народа [Суслова, Мухamedова, 2000]; материалы этнографических экспедиций (1971–2003 гг.), хранящиеся в архиве института; музейные артефакты по ювелирному искусству народов Евразии, собранные при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 13–06–97056). Исследование осуществлялось в рамках фундаментальной Программы Академии наук Республики Татарстан «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации», которая была направлена на изучение вопросов этнической истории и культурогенеза тюркских народов [Ювелирные..., 2018: 7].

Крупнейшим центром производства татарских ювелирных украшений была Казань (Новотатарская слобода) и районы Заказанья — основная территория проживания казанских татар — референтной группы этноса. Исторически он связан с ювелирными традициями Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства. На базе основного центра, достигшего наивысшего расцвета в XVIII — первой половине XIX в., на западе и востоке расселения волго-уральских татар возникает ряд периферийных центров, так называемых вторичных очагов производства. Они создавались выходцами из Казани и Заказанья, попавшими в периферийные районы с волнами различных исторических переселений или в силу личных причин. Продукция «вторичных» ювелирных центров исполняла роль своеобразного популяризатора казанско-татарских ювелирных традиций вплоть до начала XX в. [Суслова, Мухamedова, 2000: 195–198] Периферийные центры функционировали главным образом в конце XIX — начале XX в. — в период, когда шел процесс заката ювелирного дела у татар. Это объяснялось активным распространением фабрично-заводской про-

дукции и общей переориентацией населения центральных уездов на европейский костюм.

В соответствии с хронологическими рамками основной источниковой базы в центре нашего внимания находится период середины XIX — начала XX в. — времени активного функционирования волго-уральских татар как этноса. В процессе ретроспективного анализа нижняя хронологическая отметка отодвигается к более ранним этапам этнокультурной истории народа.

Тема разрабатывалась по причине особой важности источника, содержащего в себе многоаспектную научную информацию, включающую формально-морфологические (форма, конструкция), технико-технологические, функционально-семиотические параметры [Ювелирные..., 2018: 5–11]. Изделия из металла устойчивы к разрушительной силе времени, что позволяет видеть в них развитие этнических культур на протяжении столетий. Исследование осуществлялось по двум взаимосвязанным и взаимообусловленным направлениям: историко-этнологическое и историко-технологическое.

Результаты историко-этнологического направления

Историко-этнологический ракурс предполагал изучение украшений путем выявления традиционных типов, их происхождения и географии бытования, а также взаимосвязей и взаимовлияний как внутри этноса, так и за его пределами — с родственными тюркскими и другими народами Евразии. Целью являлось определение истоков национальных традиций, проливающих свет на вопросы этно- и культурогенеза народа в целом.

Исследование показало, что территориальные комплексы украшений с особым набором головных, шейно-нагрудных, наручных украшений в целом соответствуют одноименным комплексам одежды и коррелируются с расселением субэтнических, субконфессиональных групп волго-уральских татар [Этнотерриториальные группы татар..., 2002: 187–206], что указывает на особенности их формирования.

На базе типологических материалов атласа выявлен ряд этнолокальных комплексов украшений, среди которых наиболее презентабельными являются казанско-татарские (городской, сельский), мишарские (темниковский, сергачский), касимовские (городской, сельский), кряшенские (заказанко-западно-закамский, елабужский) и зауральский (условно «башкирский») [Суслова, Мухамедова, 2000: 242–245].

Казанско-татарский «городской» комплекс, наряду с предметами преходящей моды, включал в свой состав этноспецифические украшения. Из головных украшений это, например, филигранные миндалевидные с подвесками серьги *татар сырғасы* (татарские серьги), подвески к косам *чуллы* — в виде филигранных, чеканных, литых блях, чаще лопастной или тюльпанообразной формы в сочетании с самоцветами (сердолик, бирюза). Девушки вместо *чуллы* традиционно надевали накосник *чач тәңқасе* — в виде прикрывающей косы длинной полосы ткани, украшенной монетами или чеканными бляхами. К оригинальным шейно-нагрудным изделиям следует отнести позументные украшения с ювелирными поделками и монетами. Это нагрудник *изу* и перевязь *хасита*, снаженную амулетом-коранницей, которую надевали через плечо по типу орденской ленты; в ранних вариациях известны и чисто ювелирные образцы. Своебразным маркером комплекса является изысканное ювелирное украшение — воротни-

ковая застежка-ожерелье *яка чылбыры*, имеющая неоднозначную историю происхождения [Суслова, Донина, 2023]. Архаичностью истоков отличается шейно-височное украшение *сырга* в виде ожерелья, прикрепленного к височной части головного убора, или соединенных между собой цепочкой или тесьмой крупных вариантов серег (рис. 1).

Рис. 1. Городской казанско-татарский комплекс ювелирных украшений из фондов НМРТ.

Фото С. В. Сусловой

Fig. 1. The Kazan-Tatar city jewelry complex from the funds of the National Museum of Tatarstan.

Photo by S. V. Suslova

Диахронный анализ типов городского комплекса показал, что в них по форме и конструкции, технике исполнения, способу ношения просматриваются истоки тюркских и тюрко-монгольских ювелирных традиций Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства с достаточно развитой городской культурой. К таким украшениям относим ставшие в настоящее время своеобразным национальным маркером миндалевидные филигранные серьги *татар сыргасы* [Донина, Суслова, 2019], некоторые типы литых украшений — браслетов, накосников *чулпы* [Суслова, Донина, 2023а]. Средневековые археологические материалы, введенные в научный оборот, дают огромное количество блях часто идентичных казанско-татарским, которые использовались в качестве декора мужских поясов и матерчатых женских украшений.

Генезис городского комплекса тесно связан с различными по времени проникновения восточными, в том числе центральноазиатскими, тюрко-исламскими традициями, что отразилось на общности некоторых архаических вариаций шейно-височных украшений. Использование такого украшения (*сырга*) наблюдалось у татар-кряшен (кряшены — татары, принявшие православие) в комплексах девичьих, женских головных

уборов, в свадебном наряде невесты вплоть до середины XX в. Вместо подбородочной цепочки или ожерелья крашенки применяли атласную ленту или тесьму *сырга бавы*, которая привязывалась за верхушки миндалевидных серег и, перехваченная петлей под подбородком, свисала на грудь. Этот способ ношения мы рассматриваем как рудимент подбородочной металлической цепочки, издревле характерной для аналогичных украшений большинства тюрко-монгольских народов Евразии [Михайлова, 2005: 82; Boyer:1952, fig. 35–38]. Близкие аналоги элитной казанско-татарской драгоценности — архаичному варианту перевязи в виде кольца из подвижно соединенных между собой филигранных блях, традиционны для женского наряда туркмен [Сычёва, 1984: 121, рис. 72]. У бурят, как и у монголов, она нередко снабжалась гладким или богато украшенным чеканным орнаментом или филигранью медальоном-амuleтом *гуу* из золота, серебра, меди. Содержание медальона также составляли различные священные предметы: тексты буддийских молитв, лоскутки одежды святых лам, лекарства [Михайлова, 2005: 52, 86]. Очевидная общность с центральноазиатскими традициями художественного металла наблюдается в особенностях декоративного оформления ювелирных изделий (арабографический орнамент, розеткообразное сочетание сердолика и бирюзы).

В гардеробе городской волго-уральской татарки этот комплекс украшений можно было встретить повсеместно, но преимущественно у референтной группы этноса (Казань, районы Заказанья), а также в городах и состоятельных семьях Вятской, Симбирской, Уфимской, Пермской губерний. Он бытовал у зажиточных и городских татар-мишарей Нижегородской губ. и, особенно, у городской знати касимовских татар (Касимов, Рязанской губ.), что отражает общность этнической истории, этнокультурные контакты постзолотоордынских татарских ханств и, естественно, более поздние связи городского населения.

Казанско-татарский «сельский» комплекс. По составу украшений типологически и функционально он практически не отличался от городского. Однако в нем, наряду с ювелирными вариациями, бытовавшими в среде сельской знати и духовенства, больше представлены украшения, декорированные монетами либо их имитацией. Наряду с филигранными и чеканными чаще фигурируют монетные серьги и накосники. Девичий матерчатый накосник также украшался преимущественно монетами. То же характерно и для шейно-нагрудных и наручных украшений. Браслеты, кольца, перстни украшались подвесками мелкой российской монеты.

Самые близкие параллели этому комплексу находим в материалах монетных шейно-нагрудных и наручных украшений финно-угорских народов волго-уральского региона, опубликованных известным финским этнографом И. Лехтинен [Lehtinen, 1994: 70–71]. Сходство объясняется тесными историческими и культурными контактами татар и финно-угорских народов и в период Средневековья (Волжская Булгария, Казанское ханство), и позднее в составе централизованного Российского государства. «Сельский» комплекс был распространен в тех же территориальных границах, что и городской, но со значительным охватом западных (татаро-мишарских) районов региона [Суслова, Мухamedова, 2000: 243].

Крашенские комплексы украшений. Материалы исследования говорят о единстве этноопределяющих типов украшений казанских татар и татар-крашен (заказанко-за-

падно-закамский, елабужский комплексы), особенно с украшениями сельского «монетного» комплекса (рис. 2).

*Рис. 2. Монетный комплекс украшений. Елабужские кряшены. Д. Шурняк.
Экспедиция 1972 г. Фото С. В. Сусловой*

*Fig. 2. Coin jewelry complex. Yelabuga kryashens. D. Shurnyak. The 1972 expedition
Photo by S. V. Suslova*

Общими были шейно-нагрудное украшение *яка чылбыры*, миндалевидные филигранные серьги, типы украшений на матерчатой основе — монетных нагрудников и перевязей, девичьих накосников и др. Заметим, что эта мысль впервые была изложена в монографии, посвященной специальному изучению материальной культуры татар-кряшен [Мухаметшин, 1977: 99–125]. Генезис «кряшенских» монетных типов украшений, как и сельских мусульманских, заметно связан с финно-угорским миром [Суслова, 2023: 85].

Темниковский комплекс. В целом, лишь с незначительными нюансами, он характерен для костюмных комплексов южной группы «чокающих» мишарей: темниковских, лямбирских, кузнецко-хвальинских. Из головных украшений — это накосник (чехол) *чәчкан*, височное украшение в виде иглы с подбородочной цепочкой для крепления на голове полотенцеобразного убора *тастар*, небольшие монетные серьги. Из шейно-нагрудных украшений — оригинальный тип перевязи *чапук* в виде украшенного ювелирными поделками и золотной вышивкой «карманца», шейное украшение — *якалык*, нагрудник лунницеобразной формы [Суслова, Мухamedова, 2000: 243]. Формирование традиционных типов украшений южной группы мишарей «через степные традиции Причерноморья и Прикаспия восходит к тюркским, тюрко-монгольским куль-

турям Евразии, в этногенезе и культуре которых очевиден кипчако-ногайский компонент» [Суслова, 2020: 22]. В золотной орнаментации архаичных матерчатых украшений прослеживаются и древние «солярные» знаки уgro-самодийских народов Сибири, особенно широко распространенный у мишарей мотив вихревой розетки. Темниковский татаро-мишарский комплекс как преобладающее явление в середине XIX в. имел распространение у татар Нижнего Предволжья и Окско-Сурского междуречья; отмечен он и в Нижнем Заволжье [Суслова, Мухамедова, 2000: 243].

Сергачский комплекс. Он характерен для северной «цокающей» группы татар-мишарей. В нем наряду с общемишарскими (из головных украшений это тот же набор, что и темниковский) и специфическими «сергачскими» типами синтезированы городские и сельские традиции референтной группы этноса — казанских татар. Из головных украшений это *татар сырғасы* и накосники *чулпы* традиционной для казанских татар лопастной формы. Из шейно-нагрудных, наручных украшений, наряду с «сергачскими», встречаем чисто ювелирные городские и «монетные» украшения сельского казанско-татарского комплекса. Все это свидетельствует об особом положении сергачских мишарей в этноструктуре волго-уральских татар, связанном, в частности, с миграцией казанских татар в XVI–XVII вв. на территорию их проживания. Комплекс был распространен в уездах Нижегородской губернии и Курмышском уезде Симбирской губернии [Суслова, Мухамедова, 2000: 243].

Касимовский комплекс (касимовские татары). У касимовских татар, как и у казанских, четко просматриваются особенности генезиса городских и сельских его вариаций. Городские типы украшений идентичны, как и костюм в целом, городским казанско-татарским, отражающим тесные этнокультурные связи знати средневековых татарских ханств (Касимовское, Казанское). «Касимовский» набор ювелирных украшений, как и казанско-татарский, отличает достаточно сложная технология изготовления с использованием филиграни, чеканки, зерни, гравировки в сочетании с драгоценными камнями и самоцветами. Содержание и генезис сельского касимовского комплекса украшений по многим параметрам совпадает с мишарскими реалиями, особенно темниковско-азеевскими. Это подтверждается и более ранними работами Ф.Л. Шарифуллиной — основного исследователя их традиционной культуры [Шарифуллина, 1991: 66–85].

Зауральский комплекс. Сравнительно-исторический анализ украшений зауральских татар, достаточно поздних переселенцев из Поволжья, говорит о заметной их схожести с башкирскими типами. Общими татаро-башкирскими, специфическими для региона, являются женские шейно-нагрудные украшения — нагрудники *яга*, *селтэр*, перевязи *эмәйлек*, *эмәзек*, сплошь или фрагментами украшенные кораллами с включением бисера и монет. Декорированные аналогичным образом нагрудные украшения особенно характерны для племен древнесибирской культуры [Шитова, 1976: 54, 55], тюркским и уgro-самодийским народам Сибири [Иванов, 1963: 274, 280, 294]. В татарском зауральском комплексе эти опосредованные через башкир аналогии проявляются слабее. Комплекс был распространен у татар на самом востоке волго-уральского региона (Урало-Сибирское пограничье) [Суслова, Мухамедова, 2000: 244].

Анализируя фактический материал выявленных комплексов, приходим к выводу, что так называемые монетные комплексы украшений, в состав которых входили типы,

выполненные из монет или декорированные монетами, были характерны для казанско-татарского сельского костюма и особенно для крещено-татарских и татаро-мишарских традиционных одеяний. В Волго-Уральском регионе сложился единый «монетный» комплекс украшений, иллюстрирующий его общерегиональный характер, что является свидетельством определенной культурной общности тюркских и финно-угорских народов региона (рис. 3).

Рис. 3. Монетный комплекс украшений в костюме марийки [Lehtinen, 1994: 70]

Fig. 3. A coin set of jewelry in a Mariyka costume [Lehtinen, 1994: 70]

Типы украшений городского ювелирного казанско-татарского комплекса использовались в костюме горожанок и сельской знати. На материалах городского комплекса, как и городского костюма в целом, отразились тесные этнокультурные связи с сибирскими, астраханскими, отчасти, крымскими татарами и с теми народами Евразии, в историках традиционных культур которых присутствует кипчако-ногайский компонент [Суслова, 2011: 267]. Это тюркские народы Центральной Азии и Казахстана — казахи, киргизы, каракалпаки, туркмены, узбеки; в Волго-Уральском регионе России — башкиры; в низовьях Волги и на Кавказе — ногайцы. Все эти народы связаны общностью этнополитической, этнокультурой истории, особенно, золотоордынского периода их истории.

После распада Золотой Орды «кочевая стихия захлестнула» ее мощную и яркую городскую культуру. В оседлых же районах Среднего Поволжья её наследие было воспринято. Ювелирные традиции, сложившиеся в Казанском ханстве и вобравшие в себя арсенал городских ремесел Волжской Булгарии и Золотой Орды, не являлись простым конгломератом разнородных традиций. Позднее этот сплав достиг уровня синтеза новой городской казанско-татарской культуры с богатыми, в том числе технико-технологическими традициями ювелирного дела. При сохранении местных особенностей её в значительной степени восприняли недостаточно консолидированные этноструктурные под-

разделения волго-уральских татар, а также родственные башкиры, астраханские и сибирские татары. Этнокультурные взаимосвязи проявились на материалах костюма знати, в городских и сельских комплексах украшений Нового времени. Этот процесс был ощущимым и в конце XIX — начале XX в. в период консолидации татарской нации, когда на базе казанско-татарских городских реалий формировался единый общенациональный костюм с соответствующим ему уникальным комплексом ювелирных украшений.

Искусство Золотой Орды в области торевтики изначально связано с центральноазиатскими его формами [Крамаровский, 2001]. Аналогии с бурят-монгольскими ювелирными украшениями не являются случайными. Этот вектор является одним из трансляторов богатых средневековых и более поздних ювелирных традиций на тюркский мир Евразии.

Татарские украшения имеют близкие аналогии в названиях и самих типах украшений тюркских народов Алтая и Сибири (якутов, хакасов, тувинцев, алтайцев), связанных определенной общностью этнической основы, наличием этнокультурных связей в тюркском мире начиная с эпохи Средневековья. Типологическая связь наблюдается не столько по технико-технологическим параметрам, сколько по формально-морфологическим и функциональным признакам [Ювелирные..., 2018: 43–147].

В казанско-татарском городском комплексе украшений очевидно влияние русского ювелирного искусства, которое особенно усилилось в XVI–XVII вв. с присоединением края к Русскому государству и позднее в имперский период этнокультурной истории народа. Отдельные драгоценные типы русских украшений XVIII–XIX вв. не только были в употреблении у городских татарок, но и изготавливались местными ювелирами. Татаро-русское взаимовлияние, как и влияние традиций художественной обработки металла восточно-мусульманских стран Евразии, ярко подтверждаются итогами технологического исследования.

Результаты историко-технологического направления

Технологический ракурс изучения украшений впервые позволил обосновать истоки и этапы формирования казанско-татарской ювелирной школы, выявить характерные ремесленные традиции общеизвестных технологий и связанные с ними этноспецифические орнаментально-технологические комплексы. Применение современной цифровой техники способствовало проведению систематизации материала на нижних таксономических уровнях (методы, способы, специфика технико-технологических процессов), а также выявлению параметров филиграни XVIII–XIX вв. Исследование показало, что именно по этим глубинным критериям целесообразно осуществлять кросскультурный синхронный и диахронный анализ материала.

Чеканка. Маркером казанско-татарского ювелирного искусства является плоскорельефная «чеканка насечкой». Её характеризуют упрощенный контурный рисунок, отсутствие высокого рельефа и зерновой фон. В своей основе татарская плоскорельефная чеканка унаследовала технические приемы, элементы декора и эстетику стиля джучидской торевтики [Донина, Суслова, 2022]. Она обнаруживает устойчивые связи с центральной группой памятников серии золотоордынского серебра, отнесённой М. Г. Крамаровским к «улусному пласту» художественного металла и датированной концом XIII — первой половиной XIV в. Выбор средств ремесленной отделки этих из-

делий отражает характер новой городской культуры, ориентированной на вкусы населения исламских кварталов золотоордынских городов [Сокровища, 2000: С. 162, 166, 171, 173, 175–178]. В декоре татарских чеканых украшений в полной мере проявилась полифункциональность орнамента; в контексте тюрко-мусульманского искусства наиболее важна его знаковая сторона.

Первый и основной орнаментальный комплекс чеканки насечкой составляют каллиграфический текст на основе арабской графики, однотипный геометризированный растительный побег с полуальметтами, птица с раскрытыми крыльями — сдвоенная полуальметта. Надписи выполнялись на татарском языке арабскими буквами почерком «насх» с элементами «сульс», который условно придерживался традиционного написания [Донина, Вагапова, 2018]. Тексты содержат упоминания религиозных формул, обращения с просьбой к Священным Именам, именные благопожелания светского характера (рис. 4) [Донина, 2018]. Второй орнаментальный комплекс — цветочно-растительный, включающий сюжеты полевого и садового происхождения, тесно связан с татарским народным декоративно-прикладным творчеством — золотной и тамбурной вышивкой. Чеканкой насечкой украшались пластинчатые бляхи, коранницы, браслеты.

Рис. 4. Бляха. Чеканка, серебро. Текст: Йэмлихә, Мәксәлминә, Мәслинә, Мәрнүш, Дәбәрнүш, Зәнүш, Кәфәштатыуш, Кыйтмир. Прочтение Н. Ф. Исмагилова (2014 г.).

НМРТ № 10221–217. Фото Л. Н. Дониной

*Fig. 4. The badge. Coinage, silver. Text: Yamlikha, Maksalmin, Maslin, Murnush, Darnush, Zanush, Kafastatyush, Kyitmir. Reading by N. F. Ismagilov, 2014 NMRT No. 10221–217.
Photo by L. N. Donina*

Высокорельефные аналогичные украшения изготавливались способами формования — чеканки, тиснения, штамповки, выколотки по матрице с использованием соответствующих инструментов. Декор изделий согласуется с принципами исламского искусства, в котором, как известно, понятие художественной выразительности связано не с моделированием объёма, а с преобразованием плоскости. Его характеризуют двух-трехуровневый барельеф; отсутствие замкового профиля объема, полученного смешением металла; принцип «наборности», лежащий в основе условно трактованных цве-

точно-растительных мотивов; геометрическая упорядоченность общей композиции; гладкий рельеф на «зерневом» фоне (рис. 5) [Донина, 2023].

Рис. 5. Бляха. Чеканка, серебро, золочение, аметист, бирюза, хрусталь. НМРТ № 10221–341.

Фото Л. Н. Дониной

Fig. 5. The badge. Coinage, silver, gilding, amethyst, turquoise, crystal. NMRT No. 10221–341.

Photo by L. N. Donina

Филигрань. Казанско-татарская филигрань в целом отличается рядом морфологических признаков, важнейшим из которых является использование в качестве миниатюрной орнаментации штампованной проволоки — ложной канители, имеющей ярко выраженный зернено-филигравный эффект [Донина, Суслова, 2017]. Специфика общеизвестной технологии выразилась в изготовлении нашивных и многосоставных традиционных украшений, основным элементом которых являлись бляхи, обладающие конструктивно-функциональной архитектоникой (рис. 6).

Рис. 6. Накосник чулпы. Ажурная филигрань, серебро, сёрдолик. НМ РТ, № 219–6.

Фото Л. Н. Дониной

Fig. 6. Chulpa's shoulder strap. Delicate filigree, silver, carnelian. NM RT, No. 219–6.

Photo by L. N. Donina

Ажурная филигрань восходит к средневековым булгаро-золотоордынским традициям, что детально прослеживается на примере миндалевидных серёг [Донина, Суслова, 2019]. Технология их изготовления отражает процесс трансформации скано-зерневой накладной булгарской филиграни X — первой половины XIII в. в золотоордынскую филигрань «спирального типа», основным элементом которой является завиток в один оборот. Идею генетической преемственности казанской филиграни как одной из ветвей джучидской художественной школы М. Г. Крамаровский считает очевидной, поскольку обе они развивались в рамках филиграни спирального типа [Крамаровский, 2000]. Уникальный орнаментально-технологический комплекс казанской ажурной филиграни формировался в период ханства и особенно позднее, в XVIII–XIX вв., на фоне общероссийских тенденций развития технологии.

Бугорчатая филигрань маркируется нами как этноспецифическая, хотя в археологических и ранних татарских этнографических материалах она не встречается. Принципиальная разница с ажурной спиральной филиграней заключается в том, что её мицнатюрную орнаментацию составляют высокие конусы из витков тончайшей проволоки (рис. 7). Бугорчатая филигрань на основе (накладная) известна в русской культовой традиции конца X — середины XIV в. Бугорчатая филигрань без основы, подобная татарской, встречается в западноевропейском (Италия, Франция, Англия) светском искусстве XVIII–XIX вв. [Донина, Суслова, 2022а].

Рис. 7. Бляха. Бугорчатая филигрань, серебро, аметист, бирюза. НМРТ, № 10221–35.

Фото Л. Н. Дониной

Fig. 7. The badge. Knobby filigree, silver, amethyst, turquoise. NMRT, No. 10221–35.

Photo by L. N. Donina

Накладная филигрань, характерная для искусства раннего этапа этнокультурной истории народа, не получила достаточного развития в практике татарских ювелиров. В костюме знати она представлена предметами религиозного культа — коранницами, амулетницами, декор которых обнаруживает связи с иконографией исламского искусства.

Ювелирное дело Казанского Поволжья в целом характеризуется своеобразной татаро-русской синкретичностью, которая прослеживается на орнаментально-технологическом уровне и на формировании некоторых традиционных типов украшений [До-

нина, Суслова, 2018]. Данный феномен возник на основе преемственности тюрко-исламского наследия Казанского ханства и ремесленных традиций, привнесенных русскими серебряниками-переселенцами [Ключевская, 2009: 70–93]. Это особенно ярко презентуют высокорельефные нашивные бляхи, имеющие многоуровневый замковый рельеф. В основе их художественно-образного решения лежат элементы барочного декора, малохарактерные для татаро-мусульманской ювелирной традиции. При этом используется типичный для татарской чеканки технологический приём — гладкий рельеф на зерневом фоне. Синтез традиций подтверждает и сюжет о ранних татарских лиговых застежках с изображением «личины барабана» — визуального и технологического аналога русской застежки типа «скарабей» [Суслова, Донина, 2023а].

Особым ракурсом историко-технологического исследования явилось изучение казанско-татарского ювелирного дела XVIII–XIX вв. в контексте государственной политики Российской империи. Производство изделий из драгоценных металлов в этот период приобрело цензовый характер и развивалось в рамках пробирного законодательства. Основы государственной монополии на драгоценные металлы, а также регламентации золото-серебряного ремесла и контроля за оборотом драгоценных металлов заложил Указ Петра I 1700 года [ПСЗРИ, 1830: 8–9]. Именные и сенатские указы, реформы ремесленного устройства России, Пробирные уставы обусловили периоды замещания и расцвета ювелирного искусства и в Казанском Поволжье. Контекстно-сопоставительный анализ выявил, что в этот период шло активное формирование специфики казанско-татарского ювелирного дела, выразившейся в трансформации технологических процессов и совершенствовании ряда технологий до уровня этноспецифических. Только в конце XIX в. золотосеребряный промысел в России фактически перестал быть цензовым, что способствовало развитию ювелирного промысла и массовому появлению татарских украшений из монетного серебра.

Возрождению городского казанско-татарского ремесленничества способствовали внутренняя и внешняя политика государства середины XVIII–XIX вв., направленная на укрепление национального рынка, а также тюрко-исламский вектор международных отношений [ПСЗРИ, 1830а: 867–873, 1830б: 77, 229–234]. Для налаживания торговых связей с восточноазиатскими странами правительство использовало татарских купцов. Именно в этот период складывается комплекс традиционного костюма, в который органично входит ряд «азиатских типов» украшений, обогативших национальное искусство художественно-орнаментальными и технологическими традициями мусульманского Востока. В это же время воссоздаются исконные (булгаро-золотоордынские, ханские) и осваиваются традиции местных народов волго-уральского региона, формируются этноспецифические типы татарских ювелирных украшений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Арсланов Л.Ш., Казаков Е.П., Корепанов К.И. Финны, угры и самодийцы в Восточном Закамье (III в. до н. э. — XIV в. н. э.). Елабуга, 1993. 140 с.

Донина Л. Н. Высокорельефная чеканка в казанско-татарской ювелирной традиции: историко-технологический анализ // Историческая этнология. 2023. Т. 8, № 3. С. 374–388.

Донина Л. Н. Орнамент татарских чеканных ювелирных украшений: семантический аспект // Актуальные проблемы теории и истории искусства : сб. науч. статей. Вып. 8. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2018. С. 661–670.

Донина Л. Н., Вагапова Ф. Г. Стили письма арабской графики в традиционной культуре казанских татар // Эхо веков: научно-документальный журнал. 2018. № 1 (90). С. 133–151.

Донина Л. Н., Суслова С. В. О золотоордынских истоках в ювелирном искусстве казанских татар: на примере филиграных миндалевидных серег // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 3. С. 461–484.

Донина Л. Н., Суслова С. В. Русский след в ювелирном искусстве казанских татар: технико-технологический аспект // Три века русского искусства в контексте мировой культуры. М. : БуксМАрт, 2022а. С. 174–179.

Донина Л. Н., Суслова С. В. Технико-технологические особенности казанско-татарской филиграны: ретроспективный этно-археологический анализ // Поволжская археология. 2017. № 4 (22). С. 222–236.

Донина Л. Н., Суслова С. В. О джучидском наследии в ювелирных традициях казанских татар: искусство чеканки // Этнография. 2022. № 1 (15). С. 133–159.

Донина Л. Н., Суслова С. В. Татарское ювелирное искусство: о проявлениях татаро-русской синкретичности в ремесленных традициях Казанского Поволжья // Историческая этнография. 2018. Т. 3, № 1. С. 69–81.

Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX — начала XX вв. Народы Сибири и Дальнего Востока. М. ; Л. : Изд-во Акад. Наук СССР, 1963. 500 с.

Ключевская Е. П. Словарь казанских художников. Вторая половина XVI — начало XX века. СПб. : Славия, 2009. 112 с.

Крамаровский М. Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. Гос. Эрмитаж. СПб. : Славия, 2001. 363 с.

Крамаровский М. Г. К истокам казанской скани // Средневековая Казань: возникновение и развитие : материалы Международной научной конференции. Казань, 1–3 июля 1999 г. Казань: Мастер-Лайн, 2000. С. 272–278.

Михайлова Е. А. Съемные украшения народов Сибири // Украшения народов Сибири. СПб. : МАЭ РАН, 2005. С. 12–120.

Мухаметшин Ю. Г. Татары-кряшены. Историко-этнографическое исследование материальной культуры. Середина XIX — начало XX в. М. : Наука, 1977. 182 с.

Полное собрание законов Российской империи. Т. IV (1700–1712). СПб. : Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 881 с.

Полное собрание законов Российской империи. Т. X (1737–1739). СПб., 1830а. 995 с.

Полное собрание законов Российской империи. Т. XVI (1762–1764). СПб., 1830б. 1016 с.

Сокровища Золотой Орды : каталог выставки. СПб. : Славия, 2000. 346 с.

Суслова С. В., Донина Л. Н. Литые украшения казанских татар: опыт этноархеологического и технологического исследования // Археология евразийских степей. 2023а. № 5. С. 229–242.

Суслова С. В. История костюма тюркских народов (Этнографическое исследование татарской народной одежды). Астана: Сарыарка, 2011. 286 с.

Суслова С. В. Материалы к культурогенезу волго-уральских татар: ногайский компонент в структуре народного костюма // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 1. С. 6–26.

Суслова С. В. Материалы к культурогенезу волго-уральских татар: финно-угорский тренд в структуре народного костюма // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т. 13. № 4. С. 80–93.

Суслова С. В., Донина Л. Н. Татарская застежка-ожерелье яка-чылбыры: вопросы генезиса и этнокультурных взаимосвязей // Историческая этнология. 2023. Т. 8, № 1. С. 94–111.

Суслова С. В., Мухамедова Р. Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX — начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань : Фэн, 2000. 311 с.

Сычева Н. С. Ювелирные украшения народов Средней Азии и Казахстана XIX–XX веков из собрания Государственного музея искусства народов Востока. М. : Советский художник, 1984. 180 с.

Шарифуллина Ф. Л. Касимовские татары. Казань : Татарское кн. изд-во, 1991. 137 с.

Шитова С. Н. Сибирские таежные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир // Этнография Башкирии. Уфа, 1976. С. 49–94.

ЭтнотERRиториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования. Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань : Изд-во ПИК «Дом печати», 2002. 248 с.

Ювелирные украшения тюркских народов Евразии: историко-этнографические очерки. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 256 с.

Boyer M. Mongol jewellery. Kobenhavn, 1952. 223 p.

Lehtinen I. Tscheremissischer Schmuck. Ethnographischer Untersuchung [Украшения черемисов. Этнографическое исследование]. Helsinki, 1994. 374 p. (на нем. яз.).

REFERENCES

Arslanov L. Sh., Kazakov E. P., Korepanov K. I. *Finny, ugly i samodiicy v Vostochnom Zakam'e* [Finns, Ugrians and Samoyeds in the Eastern Trans-Kama region]. Elabuga, 1993, 140 p. (in Russian).

Donina L. N. Ornament tatarskikh chekannykh yuvelirnykh ukrashenii: semanticheskij aspekt [Ornamentation of Tatar chased jewelry: semantic aspect]. *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva: sb. nauch. stei* [Actual problems of the theory and history of art: collection of scientific articles]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU Publ., 2018, iss. 8. P. 661–670 (in Russian).

Donina L. N. Vysokorel'efnaya chekanka v kazansko-tatarskoi yuvelirnoi traditcii: istoriko-tehnologicheskii analiz [High-relief chasing in the Kazan-Tatar jewelry tradition: historical

and technological analysis]. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical ethnology]. 2023, vol. 8, no. 3. P. 374–388 (in Russian).

Donina L. N., Suslova S. V. O dzhuchidskom nasledii v yuvelirnykh traditciyakh kazanskikh tatar: iskusstvo chekanki [On the Jochid heritage in the jewelry traditions of the Kazan Tatars: the art of chasing]. *Etnografiya* [Ethnography]. 2022, no. 1 (15). P. 133–159 (in Russian).

Donina L. N., Suslova S. V. O zolotoordynskikh istokakh v yuvelirnom iskusstve kazanskikh tatar: na primere filigrannyykh mindalevidnykh sereg [On the Golden Horde origins in the jewelry art of the Kazan Tatars: on the example of filigree almond-shaped earrings]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review]. 2019, vol. 7, no. 3. P. 461–484 (in Russian).

Donina L. N., Suslova S. V. Russkii sled v yuvelirnom iskusstve kazanskikh tatar: tekhniko-tehnologicheskii aspekt [Russian trace in the jewelry art of the Kazan Tatars: technical and technological aspect]. *Tri veka russkogo iskusstva v kontekste mirovoi kul'tury* [Three centuries of Russian art in the context of world culture]. Moscow: BuksMArt Pabl., 2022a. P. 174–179 (in Russian).

Donina L. N., Suslova S. V. Tatarskoe yuvelirnoe iskusstvo: o proyavleniyakh tataro-russkoi sinkretichnosti v remeslennykh tradiciyakh Kazanskogo Povolzh'ya [Tatar jewelry art: on the manifestations of Tatar-Russian syncretism in the craft traditions of the Kazan Volga region]. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. 2018, vol. 3, no. 1. P. 69–81 (in Russian).

Donina L. N., Suslova S. V. Tekhniko-tehnologicheskie osobennosti kazansko-tatarskoi filigrani: retrospektivnyi etno-arheologicheskii analiz [Technical and technological features of Kazan-Tatar filigree: a retrospective ethno-archaeological analysis]. *Povolzhskaya arheologiya* [Volga region archeology]. 2017, no. 4 (22). P. 222–236 (in Russian).

Donina L. N., Vagapova F. G. Stili pis'ma arabskoi grafiki v tradicionnoi kul'ture kazanskikh tatar [Arabic script writing styles in the traditional culture of the Kazan Tatars]. “*ECHO vekov*”. *Nauchno-dokumental'nyi zhurnal* [“Echo of the centuries”. Scientific and documentary journal]. 2018, no. 1 (90). P. 133–151 (in Russian).

Etnoterritorial'nye gruppy tatar Povolzh'ya i Urala i voprosy ikh formirovaniya. Istoriko-etnograficheskii atlas tatarskogo naroda [Ethnoterritorial groups of the Tatars of the Volga and Ural regions and issues of their formation. Historical and Ethnographic Atlas of the Tatar People.]. Kazan': izdatel'stvo PIK “Dom pechati” Pabl., 2002. 248 p. (in Russian).

Ivanov S. V. *Ornament narodov Sibiri kak istoricheskij istochnik (po materialam XIX nachalo XX vv. Narody Sibiri i Dal'nego Vostoka)* [Ornament of the peoples of Siberia as a historical source (based on materials from the 19th — early 20th centuries. Peoples of Siberia and the Far East.]. Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR Pabl., 1963. 500 p. (in Russian).

Klyuchevskaya E. P. *Slovar' kazanskikh khudozhnikov. Vtoraya polovina XVI — nachalo XX veka* [Dictionary of Kazan artists. The second half of the 16th — early 20th century]. Saint Petersburg: “Slaviya” Pabl., 2009. 112 p. (in Russian).

Kramarovskii M. G. *Zoloto Chingisidov: kul'turnoe nasledie Zolotoj Ordy* [Gold of the Chingisids: the cultural heritage of the Golden Horde. State Hermitage]. Gosudarstvennyj Ermitazh. Sankt-Peterburg: Slaviya Pabl., 2001. 363 p. (in Russian).

Kramarovskii M. G. *K istokam kazanskoi skani* [To the origins of Kazan filigree]. *Srednevekovaya Kazan': vozniknovenie i razvitiye. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj*

konferencii. Kazan', 1–3 iyulya 1999 g. [Medieval Kazan: origin and development. Materials of the International Scientific Conference. Kazan, July 1–3, 1999]. Kazan': Master-Lajn Pabl., 2000. P. 272–278 (in Russian).

Mikhailova E. A. *S'emyne ukrasheniya narodov Sibiri* [Removable Ornaments of the Peoples of Siberia]. *Ukrasheniya narodov Sibiri* [Ornaments of the Peoples of Siberia]. Saint Petersburg: MAE RAN, 2005. P. 12–120 (in Russian).

Mukhametshin Yu. G. *Tatars-kryashcheny. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie material'noi kul'tury. Seredina XIX nachalo XX v.* [Kryashen Tatars. Historical and Ethnographic Study of Material Culture]. Moscow: Nauka, 1977, 182 p. (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg: Pechatano v Tipografi II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelarii Pabl., 1830, vol. 3, 881 p. (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Saint-Petersburg, 1830a., vol. 10, 995 p. (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg, 1830b., vol. 16, 1016 p. (in Russian).

Sharifullina F. L. *Kasimovskie tatary* [Kasimov Tatars]. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991, 137 p. (in Russian).

Shitova S. N. *Sibirskie taezhnye cherty v material'noi kul'ture i khozyaistve bashkir* [Siberian taiga features in the material culture and economy of the Bashkirs]. *Etnografiya Bashkirii* [Ethnography of Bashkiria]. Ufa, 1976. P. 49–94 (in Russian).

Sokrovishcha Zolotoi Ordy. Katalog vystavki [Treasures of the Golden Horde. Exhibition catalog]. Saint Petersburg: Slaviya Pabl., 2000, 346 p. (in Russian).

Suslova S. V. Donina L. N. *Litye ukrasheniya kazanskikh tatar: opyt etnoarheologicheskogo i tekhnologicheskogo issledovaniya* [Cast Jewelry of the Kazan Tatars: An Ethnoarchaeological and Technological Study]. *Arheologiya evraziiskih stepei* [Archaeology of the Eurasian Steppes]. 2023a., no. 5. P. 229–242 (in Russian)

Suslova S. V. *Istoriya kostyuma tyurkskikh narodov* (*Etnograficheskoe issledovanie tatarskoi narodnoi odezhdy*) [History of the Costume of the Turkic Peoples (Ethnographic Study of Tatar Folk Clothing)]. Astana: Saryarka Pabl., 2011, 286 p. (in Russian).

Suslova S. V. *Materialy k kul'turogenezu volgo-ural'skikh tatar: finno-ugorskii trend v strukture narodnogo kostyuma* [Materials for the cultural genesis of the Volga-Ural Tatars: the Finno-Ugric trend in the structure of the folk costume]. *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya* [From the history and culture of the peoples of the Middle Volga region]. 2023, vol. 13, no. 4. P. 80–93 (in Russian).

Suslova S. V. *Materialy k kul'turogenezu volgo-ural'skikh tatar: nogaiskii komponent v strukture narodnogo kostyuma* [Materials for the cultural genesis of the Volga-Ural Tatars: the Nogai component in the structure of the folk costume]. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. 2020, vol. 5, no. 1. P. 6–26 (in Russian).

Suslova S. V., Donina L. N. *Tatarskaya zastezhka-ozherel'e yaka-chylbyry: voprosy genezisa i etnokul'turnykh vzaimosvyazei* [Tatar yak-chylbyry necklace clasp: issues of genesis and ethnocultural relationships]. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. 2023, vol. 8, no. 1. P. 94–111 (in Russian).

Suslova S.V., Muhamedova R.G. *Narodnyi kostyum tatar Povolzh'ya i Urala (seredina XIX — nachalo XX vv.). Istoriko-etnograficheskii atlas tatarskogo naroda* [Folk costume of the Tatars of the Volga and Ural regions (mid-19th — early 20th centuries). Historical and ethnographic atlas of the Tatar people]. Kazan': Fən, 2000, 311 p. (in Russian).

Sycheva N.S. *Yuvelirnye ukrasheniya narodov Srednei Azii i Kazakhstana XIX–XX vekov iz sobraniya Gosudarstvennogo muzeya iskusstva narodov Vostoka* [Jewelry of the peoples of Central Asia and Kazakhstan of the 19th–20th centuries from the collection of the State Museum of Oriental Art]. Moscow: Sovetskii khudozhhnik Pabl., 1984, 180 p. (in Russian).

Yuvelirnye ukrasheniya tyurkskikh narodov Evrazii. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Jewelry of the Turkic Peoples of Eurasia. Historical and Ethnographic Essays]. Kazan': Institut istorii Sh. Mardzhani AN RT Pabl., 2018, 256 p. (in Russian).

Boyer M. *Mongol jewellery*. Kobenhavn, 1952, 223 p.

Lehtinen I. *Cheremissisher Shmuk. Etnografisher Unterzukhung* [Cheremis jewelry. Ethnographic study]. Helsinki, 1994, 374 p. (in German).

Статья поступила в редакцию: 02.07.2024

Принята к публикации: 12.04.2025

Дата публикации: 30.06.2025